

УДК 81'27

***НАРУШЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ
НОРМ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ***

Гусева О.А.

к.филол.н., доцент,

Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского

Калуга, Россия

Аннотация: В формах институциональной коммуникации, протекающих вне ядерных жанров дискурса конкретного института и вне его прототипического хронотопа агенты дискурса могут позволять себе не соблюдать конвенциональные нормы, установленные для речевых практик не только в рамках социального института, но и общества в целом. Тем самым агент дискурса риторически отходит от функции официального лица и сближается с частным лицом. Однако в случае, если высказывание становится достоянием общественности, происходит наложение этих двух дискурсивных позиций, где одна усиливает, а не нивелирует вторую, что приводит к более негативной оценке данного типа речевого поведения.

Ключевые слова: институциональный дискурс, оскорбление, инвектива, коммуникативные нормы, перформатив.

***VIOLATIONS OF SOCIO-CULTURAL COMMUNICATIVE NORMS IN
INSTITUTIONAL DISCOURSE***

Guseva O.A.

PhD in Linguistics, Associate Professor

Kaluga State University

Kaluga, Russia

Abstract: In the forms of institutional communication that take place outside the core genres of discourse of a specific institution and outside its prototypical chronotope, discourse agents may choose to not comply with conventional norms established for speech practices not only within the framework of a social institution, but also of the society as a whole. In this way, the discourse agent rhetorically moves away from the discursive function of an official and approaches that of a private person. However, if the statement becomes public knowledge, these two discursive positions overlap, and one strengthens rather than neutralizes the other, which in its turn leads to a more negative assessment of this type of speech behavior by the public and the regulators of the institution.

Key words: institutional discourse, insult, invective, communicative norms, performative utterance.

Институциональные формы коммуникации относятся к дискурсивному пространству, которое достаточно жестко регулируется как в жанровом отношении, так и в отношении выбора речевых средств, к которым прибегают участники коммуникативного события в зависимости от их статусно-ролевого положения. Последнее справедливо не только и не столько применительно к репертуару речевых образцов и устоявшихся формул, но также к личностному выбору из спектра изофункциональных единиц. При этом нередки случаи, когда коммуниканты, относящиеся к агентам того или иного типа институционального дискурса, практикуют речевое поведение, выходящее не только за рамки его конвенциональных форм, но и подлежащие юридической оценке. Помимо этих форм, в отношении которых возможна внешняя регуляция, существует целый ряд коммуникативных стратегий, реализующихся на полях институционального дискурса и являющихся антиэтикетными как в силу присутствия нарушения социокультурных норм, так и в силу их негативного перлокутивного эффекта.

Следует отметить, что коммуникативная этика, устоявшиеся этикетные паттерны и интерактивные стратегии детерминированы спецификой Дневник науки | www.dnevnika.ru | СМЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

конкретного социума, поэтому высказывания необходимо рассматривать в совокупности с культурным контекстом, особенно если речь идет о межкультурном контексте. Тем не менее, в едином социокультурном пространстве представления о нормах и требованиях у всех участников коммуникативного процесса до определенной степени унифицированы.

Институциональный дискурс не предполагает равноценного коммуникативного вклада участников, однако при нормативно протекающей коммуникации распределение ролей позволяет участникам реализовывать объем коммуникативного вклада таким образом, чтобы удовлетворялись базовые экспектации и достигались цели коммуникативного акта, тогда как в случае нарушения нормы неинституционального плана участник, относящийся к клиентам данного дискурса, получает дополнительные коммуникативные цели, например, желание парировать или ответить инвективой на инвективу, которые не могут быть реализованы из-за отсутствия паритетности. При этом в подобных случаях агент дискурса вторично нарушает коммуникативные нормы, поскольку чаще всего подобные коммуникативные события не завершаются разрешением конфликта, как того требуют институциональные нормы, напротив, агент дискурса идет по пути приращивания конфликтогенов и практикует коммуникативный садизм [6, 267], который наблюдается в иерархически организованных социальных структурах. Исследователи [2, 4] отмечают, что данный феномен может иметь вариативные цели – от причинения ущерба социальному имиджу объекта высказывания или нанесения ему личных оскорблений до крайней формы реализации дискурсивной субъектности. Так или иначе, весь этот спектр интенций является деструктивным и нарушает социокультурные коммуникативные нормы, так как даже реализация дискурсивной субъектности не будет считаться нормативной, если осуществляется за счет ущемления прав других участников коммуникативного события на то же самое.

Одним из самых частотных видов нарушения социокультурных норм является нарушение на лексико-стилистическом уровне, в частности, в форме оскорбления. Средства номинации как максимально семиотически и семантически нагруженные единицы обладают наибольшим потенциалом осуществления вербальной агрессии, однако усредненные европейские нормы коммуникации устанавливают четкие ограничения на речевое поведение, в рамках которого практикуется деструктивное воздействие на личность вербальными средствами.

Как подчеркивает И.А. Стернин, не существует такой отдельной категории как оскорбительная лексика, поскольку таковой ее делает контекст употребления [5]: несмотря на то, что в единице на семантическом уровне может присутствовать выраженный оценочный компонент или наличествовать систематически реализуемая в речевой практике негативная коннотация, что в известной степени повышает инвективный потенциал единицы, оскорбительность в чистом виде проявляется в случае сочетания соответствующей интенции у субъекта высказывания, коммуникативной ситуации, позволяющей ему реализовать эту интенцию, и индивидуального восприятия объекта высказывания. Таким образом, на уровне текста можно говорить об оскорбительном словоупотреблении (наблюдается табуированная лексика, присутствует адресная направленность инвективы, речевой акт осуществляется публично), однако для признания единицы оскорбительной в каждом конкретном случае требуется учет экстралингвистических факторов [5]. Для институциональных дискурсов также важна такая отличительная черта оскорбления, как направленность не на негативную характеристику объекта по определенным параметрам, что более присуще аффективно эксплицируемой критике или реактивным речевым действиям, степень этикетности и эмоциональности которых не в последнюю очередь зависит от специфики стимула, а на снижение или отрицание социальной ценности объекта [3, 86].

На речеактовом уровне и уровне коммуникативных типов высказывания нарушение социокультурной нормы может выражаться в неправомерной перформативности, а также перверсивном употреблении структуры утверждения, когда говорящий использует ее не по прямому функционалу для констатации объективного факта, а для экспликации того, что в норме требует либо подкрепления аргументами, либо маркировки субъективности через добавление операторов модальности [1, 28-37]. Данные тактики могут применяться в любых типах дискурса, однако в институциональных они усиливаются тем, что формально агент дискурса наделен большей компетентностью и полномочиями в вынесении суждений, а в отдельных случаях, и правом осуществлять фактические перформативы.

В силу особенностей организации современного информационного пространства, позволяющего сделать достоянием общественности даже те речевые произведения, которые не задумывались как публичные, возникает ряд пограничных случаев. Показательна с дискурсивной точки зрения ситуация, сложившаяся вокруг высказывания И. Алашкевич, являвшейся на момент событий начальником управления пресс-службой губернатора Иркутской области. Высказывание исходило от агента дискурса, поскольку произносилось чиновницей в ходе совещания, т.е. в дискурсивном пространстве соответствующего института. Тем не менее, оно не находится в ядре конституирующих жанров дискурса, т.к. произносилось неофициально и не предполагалось, что о нем узнает большее количество реципиентов, нежели присутствовавшие лично в момент его произнесения. Таким образом, нет коммуникативной ситуации, в которой бы осуществлялось прямое взаимодействие с объектом высказывания, в то время как нарушение социокультурных коммуникативных норм чаще всего имеет вид речевого акта прямого действия; конфликтная интенция так же не присутствует, поскольку высказывание имело форму изложения событий с точки зрения говорящего, а компонент интеракции отсутствовал. Вопрос адресованности высказывания

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

также не однозначен: высказывание не обращено напрямую конкретным лицам, однако именно в силу размытости адресата и вариативности атрибуции делает возможным потенциально любого индивида, попадающего под категорию «находящийся в пункте временного размещения» интерпретировать высказывание как относящееся к нему лично. При этом как с точки зрения лексики, так и с точки зрения ущерба социальному статусу объекта высказывания данное речевое произведение антиэтикетно, т.к. включает в себя обценную лексику в междометной функции и содержит лексические единицы с компонентами пейоративного отчуждения, например, «алкашня эта», «эта бичевня», «быдло это», а также вербальные инсинуации, создающие предпосылки негативного оценивания социального статуса объекта высказывания, например, «два класса образования», «они сидят в тепле с теплым туалетом, с чистой постелью – то, чего у них не было в их хлеву». Кроме того, присутствуют эксплицитные маркеры неприятия, например, «у меня давно такого не было ощущения мерзости и гадости», «я на них смотреть не могу».

В институциональной структуре распределение коммуникативных ролей осуществляется в пользу агента дискурса, что автоматически работает и как маркер статуса участников коммуникации, однако в случае нарушения норм социокультурного характера говорящий волонтаристски присваивает себе более высокий статус, позволяя себе об объекте с использованием речевых стратегий на понижение, а также через речевой акт перформатива понижает социальную ценность объекта высказывания, при этом оба эти действия уже не санкционированы институтом, а исходят от личности говорящего, что возлагает ответственность за речевое поведение именно на него.

После обнародования аудиозаписи высказывания общественный резонанс и последовавшие за этим административные меры показали, что несмотря на формальное отсутствие ряда признаков, по которым высказывание квалифицировалось бы как оскорбление со стороны официального лица, а также несмотря на частный характер высказывания, реакция поступила и с позиций Дневник науки | www.dnevnikнауки.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

институционального дискурса, и с позиций бытового, причем с суммированием критериев негативного оценивания и смещением акцента именно на институциональную составляющую.

Таким образом, нарушение социокультурных коммуникативных норм агентом институционального дискурса, совершенное на периферии институциональных форм коммуникации, тем не менее, не является индивидуальным проявлением низкой речевой культуры, и воспринимается массовой аудиторией не только антиэтикетное и потому социально неодобряемое, но и – через несоответствие институциональным требованиям к речевому имиджу агента дискурса и ценностям социального института – как напрямую коррелирующее с качествами говорящего как представителя института.

Библиографический список:

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика/ А.Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.

2. Волкова Я.А. Приёмы коммуникативного садизма в деструктивном общении/ Я.А. Волкова// Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов: II Интернет-конференция по юрислингвистике и судебной лингвистической экспертизе (2012). [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: http://siberia-expert.com/publ/konferencii/konferencija_2012/ja_a_volkova_priemy_kommunikativnogo_sadizma_v_destruktivnom_obshhenii/10-1-0-284 (дата обращения 9.06.2026)

3. Кусов Г.В. Общие и частные задачи криминалистического обеспечения лингвистической экспертизы/ Г.В. Кусов// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 5-3. – С. 84-89.

4. Седов К. Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии/ К.Ф. Седов // Труды междунар. семинара «Диалог 2002» по Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

компьютерной лингвистике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <https://dialogue-conf.org/digest1/2002/articles/sedov.pdf> (дата обращения 9.06.2026)

5.Стернин И.А. Оскорбление и оскорбительное словоупотребление: проблемы разграничения в лингвистической экспертизе текста/ И.А. Стернин// Онлайн форум «Защита чести, достоинства и деловой репутации и оскорбление: юридические и лингвистические корреляции». – 2015 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <http://lingva-expert.ru/articles/Oskorblenie-oskorbitelnoe-slovoupotreblenie/> (дата обращения 9.06.2026)

6.Шахматова Т.С. Оскорбление как инструмент языкового насилия в речевых ситуациях институционального общения/ Т.С. Шахматова // Ученые записки Казанского Университета. Гуманитарные науки, 2013. – Т. 155. – №5. – С.267-278.